

Москва. Начало XXI века. Пустая сцена театра или клуба. Переполненный зал. На середине сцены выходит человек в джинсах, чуть ниже среднего роста, чуть моложе среднего возраста. Это Евгений Гришковец — автор и исполнитель (почти как в бардовской песне) самых популярных моноспектаклей в России конца 1990-х — начала 2000-х. Он начинает разговаривать с залом...

В спектакле «Дредноуты» я хотел рассказать женщинам, почему мы, мужчины, делаем эти огромные корабли, уплываем в море и там друг друга убиваем. И о том состоянии, в каком мужчины умирают, когда они одни и убивают друг друга. Потому что у женщин от нас остаются фотографии — а на них все слишком чудесно. Особенно на детских, где стоят трехлетние мальчики в палытишках, брючках, ботиночках. И ботиночки такие маленькие. И брючки такие аккуратные, и всю эту одежду мальчики надевали на себя даже не сами...

Зал живо реагирует. Волна доброжелательности из зала докатывается до щиколоток Гришковца.

Целый год я рылся в музейных архивах Англии и Германии, читая про Ютландскую битву Первой мировой. В этом самом большом военноморском сражении шестнадцатого года у противников еще был шанс остаться на территории джентльменской войны: они ведь знали друг друга по именам, они были друг с другом знакомы. В битве участвовал маленький миноносец под названием «Честер». Едва корабль вступил в бой, прямым попаданием был убит весь расчет носового орудия — пять матросов из шести. Остался только юнга первого ранга Джон Конуэл.

Ему едва исполнилось шестнадцать лет, и он был правым наводящим, то есть крутил ручку, которая наводила пушку по вертикали. Джон Конуэл видел, что все погибли, что некому зарядить орудие и оно не выстрелит, но продолжал крутить ручку. Неизвестно, что он в этот момент чувствовал и думал. Никто не сможет рассказать про это.

Джон Конуэл умер от ран, пристегнутый ремнями к железному стулу. Его имя назвала королева среди героев битвы, его маме передали орден...

Аплодисменты, относящиеся то ли к королеве, то ли к Гришковцу. Гришковец держит паузу, потом продолжает.

Я довольно много играю свои спектакли за границей и столкнулся с тем, что я не хочу рассказывать там какие-то экзотические истории, а хочу рассказывать то, что будет интересно, уни-

версально и понятно. Когда какой-нибудь француз или немец приезжает в Москву, он на Арбате покупает балаалайку у людей, которые на ней никогда не играли и не умеют. И он покупает тоже не для того, чтобы играть, а чтобы повесить на стенку. Описывать зиму, которую никогда не видели, — та же торговля балаалайками.

Но прежде чем начинать спектакль, я всегда рассказываю иностранцам про наши железные дороги, про то, что они устроены совсем особым образом. Про то, что, когда мы ехали из моего родного города с родителями на море, мы проводили в поезде трое с половиной суток, и это было нормально. То есть из трех

которых — не сомневаюсь — у него хватало, единственный очень потертый значок «За пересечение экватора». Ко мне Хамовский относился хорошо, и я из-за этого сильно страдал: боцман — это корабельный завхоз. Загрузить, разгрузить, мясо, веревки, склады. И он всегда брал на эти работы меня, чтобы поболтать. Но он-то руководил процессом, а я-то грузил.

Сдержанный смех зала.

Однажды летом, в очень жаркий воскресный день, когда все отдыхали в ожидании кино, боцман, я и еще один любимчик, Джамал Беридзе, в парадной форме отправились за двенадцать километров в поселок за трансформатором. Джамал тоже был очень колоритной фигурой. Он был аджарец, на гражданке работал смотрителем в Батумском ботаническом саду, но почему-то настойчиво называл себя лесником. Как-то я из филологического любопытства спросил его, на каком языке он думает. После получаса напряженных размышлений Джамал ответил: «Слушай, когда с Магарадзе (еще один аджарец на корабле) разговариваю, то думаю по-аджарски. Когда с тобой, Женя, разговариваю, то думаю по-русски... Но с акцентом».

Несдержанный смех зала.

рал Демьянченко, когда я ему рассказал эту историю, попросил меня: «Напиши ее, пожалуйста, я буду зачитывать на всех кораблях для поднятия боевого духа».

Бурные аплодисменты, предназначенные то ли контр-адмиралу Демьянченко, то ли Джамалу, то ли Гришковцу.

В поселок за трансформатором мы добрались к обеду. Трансформатор весил килограмм шестьдесят, а то и больше. Мы несли его с полудня до трех часов ночи. Парадная форма — в ключья, мы с Джамалом — никакие, ладони в кровавых мозолях. На корабле тут же выяснилось, что этот чертов трансформатор никак не вписывается в нужный люк.

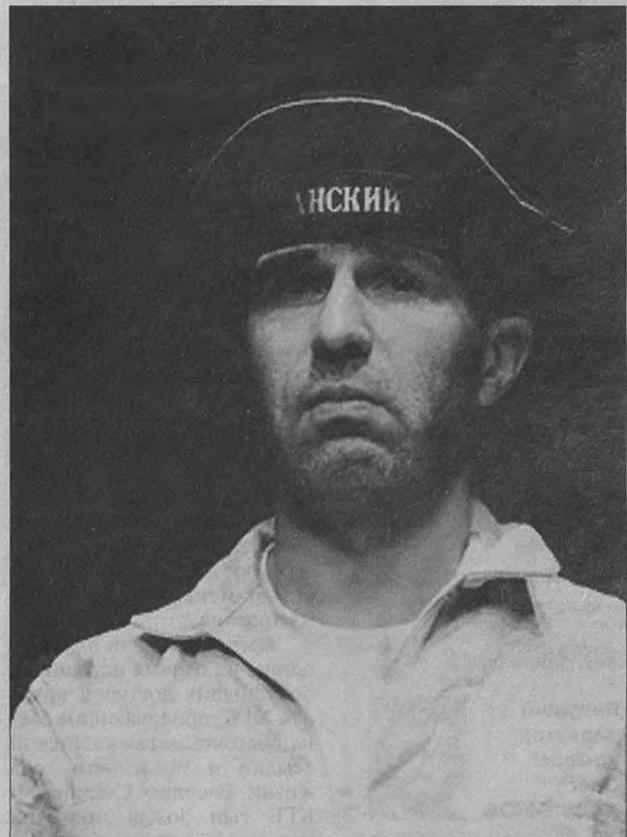
Хамовский спокойно закурил: «Ну че? Завтра назад понесем...»

И тут Джамал издал какой-то совершенно странный звук, поднял трансформатор и... выбросил за борт. Молодой офицер разорался. Кричал что-то типа «будешь нырять, на гауптвахте сгною» и т.д. Хамовский еще минуты три докуривал, а сделал последнюю затяжку, произнес: «Ну и хрен с ним».

Смех, аплодисменты Хамовскому, чей внушительный силуэт на мновение возникает в огнях рамы.

Это было совершенно чудесно и как-то сильно примирило меня с кадровыми военными. Я понял, что в их

То, что выталкивает наружу, за свои пределы художественный текст, для автора порой так же ценно, как и то, что осталось внутри. У Евгения Гришковца этих отвергнутых текстом, но дорогих сердцу фрагментов накопилось изрядно. Целый невод историй оказался за бортом «морских» пьес «Как я съел собаку» и «Дредноуты». Может, когда-нибудь они сложатся в пьесу или книгу. Пока же он наполняет ими свои творческие вечера. Этот монолог, с позволения автора, как раз и шит из таких вынужденных купюр...

Евгений ГРИШКОВЕЦ

ДВЕ КОТЛЕТЫ И БОЕВОЙ ДУХ

Моноспектакль

недель отпуска моих родителей неделя тратилась на поезд. После чего возникает недоуменная пауза, и я начинаю объяснять в эту паузу быстренько, что это нормально, что в этом ничего такого особенного нет. И то, что я служил на флоте три года, — это тоже было нормально. Для государства, конечно, — не для меня. Потому что взяли меня с филфака, из города без моря. А главное, я никогда не хотел служить на флоте.

Я хотел поплавать на корабле с Лаперузом. Но служил на флоте и плавать с Лаперузом — это не совсем одно и то же. И поначалу я обижался. Но несколько эпизодов заставили меня иначе относиться к людям, с которыми я служил.

Проходится по сцене.

На нашем корабле самым матерым морским волком был боцман Хамовский.

Смешок в зале. Шиканье.

Такой весь, в татуировках, с огромными кулаками, волосатыми пальцами — зарядить мог запросто. Он носил старого образца китель, едва сходящийся на животе, а на кителе вместо медалей,

А однажды Джамал на моих глазах отстоял честь военно-морского флота. У нас на пирсе работали солдатики из стройбата. Как-то про них забыли и не привезли еду. Командование сжалилось и позволило покормить на корабле. А надо знать, что между сухопутными и морскими идет вечная пикировка. Стройбатовцев привели в кубрик. Это была суббота, а по субботам нам давали котлеты, по две котлеты на одного матроса. Плоские, тонкие, сверху сухари, а после... сразу опять сухари. Джамал — человек мясной, с Кавказа и этих субботних котлет всегда очень ждал. Он их не просто съедал, это был целый священный ритуал, очень неторопливый и торжественный.

Итак, солдат кормят — наваристый борщ, компот и главное блюдо — котлеты. Они едят, удивляются, у них сплошная перловка на воде. И вот в кубрике появляется Джамал, видит солдат, молча садится на свое место. Перед ним — тарелка с драгоценными котлетами. Напротив — сухопутные гости. Джамал безразлично берет двумя пальцами свой субботний кайф и со словами: «Савсем затрапали — да? — свами катлетами» — выбрасывает их в иллюминатор. Контр-адми-

жизни есть своя мудрость, что не все они одинаковы.

Аплодисменты Гришковцу.

Мне очень часто снится один и тот же сон. Мне снилось, что меня снова забирают служить. Я в нынешнем возрасте, в нынешнем состоянии, такой, в общем, актуальный. И вот я еду и понимаю, что мне сейчас будет легче, что я теперь человек опытный, но забирают меня внезапно, и как-то нужно сообщить в театр, чтобы отменили спектакль, сообщить жене, родителям, а записная книжка потеряна, да и телефон под рукой нет, и почты нет...

Может, этот сон преследовал меня оттого, что наяву мне долгое время казалось, что служил я зря. Но когда мне вручали «Золотую маску» за спектакль «Как я съел собаку», я тогда подумал, что, наверное, все-таки служил не зря. Наверное, не зря...

Бурные аплодисменты. Крики «браво». Стройная девушка дарит Гришковцу цветы. Он неловко кланяется и неохотно уходит со сцены.

● Записала Лилия ГУЩИНА, Фотографии с сайта Е. ГРИШКОВЦА

